

Владислав Пасечник

Иама

Рассказ

В древних персидских преданиях Иама соответствует ветхозаветному Ною и вавилонскому Утнапиштиму. Судьба его трагична — в своей гордыне он отпал от Бога и бежал на край земли, гонимый ужасным существом по имени Вадаган.

Вадаган прибыл поздней осенью, это я помню хорошо: нора, в которой жили мы с Учителем, осклизла от дождей, земля сделалась холодной, как труп. Учитель Иама набрал сухой травы и листьев и выстлал дно нашего убежища. Так оно приобрело еще большее родство со звериным логовом.

О приближении Вадагана стало известно за несколько дней. Начала дрожать земля — мерно и непрерывно, потом потянуло откуда-то душным смрадом, и в небе не стало птиц. Затем вдали поднялись пыльные вихри, и по равнине помчались колесницы. Мы высунулись из своей берлоги и смотрели, как проносятся они по пустому полю. Некоторые из них проезжали достаточно близко, чтобы я моими слабыми глазами мог рассмотреть их: вожжи держали медногрудые ратаэштары, на шлемах их красовались плюмажи из беленных известью конских хвостов. За спинами их возвышались ашаваны, сжимавшие пучки благословенной эфедры. На их знаменах, черный на белом, зиял знак Вадагана — соцветие из трех драконьих голов, обращенных против солнца.

Во главе войска на золоченой квадриге ехал бивересп в глухом плаще из красного войлока. За ним мчались конники и верблюжьи всадники, белые знамена стояли над ними, как чайчьи крылья. Когда я спросил, кто среди этих людей Вадаган, Иама указал на бивереспа.

Следом за всадниками пастухи гнали табуны всех мастей и видов — никто и никогда в нашем пустом и голодном краю не видел такого богатства. От этого рокота в моем теле дрожали все кости. Весь день войско двигалось по равнине, и ночью, даже закутавшись во все свое тряпье, я слышал колесницы и дробь копыт. На другое утро все больше людей шло пешком. Это были простые воины в пыльных бурнусах, вооруженные копьями и луками. Тощие волы тащили за собой груженные повозки, множество мух витало над их бурыми спинами, но до нас не долетело ни одной. На закате отряд устроил привал недалеко от нашей норы, и какое-то время я, осторожно высунувшись наружу, слушал чужеземную речь.

На третий день были только повозки, и тащили их чахлые старые кобылы. Здесь были женщины, дети и старики. Они оставляли после себя больше всего нечистот. На самых дрянных телегах лежали больные и расслабленные. От их

Владислав Пасечник — прозаик, печатался в журналах «Вайнах», «Новая Юность», «Урал», в сборнике «Новые писатели». Живет в Барнауле. Лауреат премии «Дебют» в номинации «Крупная проза» (2011).

немых тел исходил густой и пряный дух. Дети бегали среди умирающих, заглядывали в их неподвижные, заострившиеся лица, теребили их руки, перешептываясь и переглядываясь со всем своим детским бесстыдством.

Наконец не стало и гнусных этих телег, но движение продолжалось — ветер катил по земле вслед за войском высохшие черепа. Голые или с остатками седых волос, похожие на пережаренные, черепа скакали по камням, ударяясь друг о друга, разбиваясь вдребезги и становясь землею. И когда это последнее движение прекратилось, Учитель Иама встал и произнес: «Пойдем».

Он помог мне подняться, и мы двинулись молча, в сторону города. Я с трудом передвигал ноги, Учитель был мне опорой и вместе с тем палачом. Каждый шаг был для меня мучением. «Зачем он взял меня с собой? — самолюбленно думал я. — Если он желает попросить в войске еды, то к чему тащить следом меня? Чем я помогу ему? Да и с чего бы этим пришлым кормить нас? У них, видно, хватает своих голодных ртов. Сейчас попрошу его отвести меня назад». Но чем больше я думал, чем дольше смотрел в глаза Учителя моего, тем яснее понимал, что в нору свою мы больше не вернемся.

В ту пору недуг мой набрал силу, и я редко покидал наше логово. Про наши края люди говорят, что зима здесь длится одиннадцать месяцев, и только десять дней в году светит солнце. И теперь дождь наносил вред моей рябой коже, кожа бледнела и сползала серыми ошметками. Руки мои пришли в негодность — пальцы разбухли и потемнели, и я уже с трудом шевелил ими.

Я давно привык к холоду и сырости и полюбил крепкий сон. Засыпая, я забывался и видел дивные места из рассказов Учителя Иама. Все там — и небо, и травы, и земля — имело особую окраску, отчего казалось более настоящим, чем в привычном мне мире. Не было в том краю ничего мертвого — даже камни жили какой-то внутренней жизнью, и жизнь эта заключалась в поглощении и отторжении солнечного тепла. Сам я в этих снах был здоровым и сильным мужчиной, во мне бродил кроме крови еще какой-то жгучий сок, названия которому я не знал. Просыпаясь, я тосковал по этим чувствам и мучил Иаму глупыми расспросами. В конце концов, я утомил его разговорами, и однажды он сказал, что снов больше не будет, — так и случилось. Сон мой стал спокойным и теплым, он заменил своей теплотой покрывало и лежак — ни того, ни другого я не имел. Днем, когда солнечная пыль обжигала мои распухшие веки, я не мог спать и ждал ночи. Но, дождавшись, нарочно оттягивал сон, доводил себя до изнеможения, зная, что тем сладостнее будет долгожданный момент забытья и тем мучительней пробуждение.

Нора наша находится вблизи дороги, в отвесном глиняном уступе. Когда-то вокруг нашего жилища росла чахлая трава, но теперь нет ничего, только комки грязи и нечистот. По дороге редко ходят — собственно, это и не дорога даже, а долгая и скучная полоса утоптанной земли. Прежде здесь было большое поле, но, как только пришел Учитель Иама, земля стала родить одну только соль, и поле это забросили.

Еду Учитель приносил из деревни. Прежде, пока я не ослаб, мы ходили туда вдвоем. Каждый день мы проходили вдоль дороги на восток, в сторону холодного моря. Там на отшибе стоял дом пекаря. Впрочем, может, в нем жил и не пекарь даже, а просто зажиточный человек, однако от этого дома всегда исходил хлебный дух, он постоянно был в воздухе, но сытые люди не могли заметить его, только тот, чей нюх обострился от голода, ощущал этот мучительный запах. У него была жена с бледным и печальным лицом — она-то нас и кормила. Не могу сказать, жалела она нас или боялась. Мы никогда не просили ее ни о чем, и она не заговаривала с нами. Мы просто стояли и ждали ее на самом краю деревни, на одном и том же месте. Она выносила нам еду в простой плошке и оставляла на старой колоде на достаточном расстоянии от дома. Обычно это были объедки да сухари, но иногда плошка была полна теплой ячменной каши — это случалось обычно в большие праздники. Она выносила еду и быстро убегала в дом, не оборачиваясь. Мы ждали, когда за-

хлопнется за ней дверь, а потом ждали еще, пока она не выглянет из окна, пока не уставит на нас вымученный свой взгляд. А уж его-то выдержать было невозможно. Не будь этого взгляда, я, наверное, никогда бы не прикоснулся к ее подачкам. Мы быстро ели и убирались восвояси, оставляя после себя пустые тарелки. Не знаю, что делала с ними хозяйка — выбрасывала или хранила в страхе, отдельно от прочей посуды. Мне не верится, что она осмеливалась к ним прикоснуться. С другой стороны — неужели каждый раз она ставила нам новые тарелки? Этот порядок был введен еще до меня, при прежнем ученике. Я никогда не обсуждал этого с Учителем, только принимал как должное.

Иногда, вопреки обыкновению, на порог выходил хозяин, и это значило, что мы не получим ничего. Хозяин подолгу смотрел на нас и сопел. Я помню его рябое лицо с обвислыми усами и водянистые глаза. Никогда он не пытался заговорить с нами, только однажды, взяв в руки большую палку, он сделал несколько шагов в нашу сторону. Я невольно подался назад, но Учитель остался на месте. Тогда хозяин опустил палку и сам отступил к порогу. В его глазах я увидел обиду и страх, как будто мы нарочно истязаем его семью.

Деревня стояла как раз на полпути к городу, обычно издали видна была высокая ограда и крепкие дубовые ворота. А задолго до того мы чуяли дым и слышали собачий лай. Теперь все было тихо и голо — не стало домов, исчезли люди, обитавшие в них, пропали дворы и дом пекаря, была только глина и следы от копыт, в которых стояла вода. Да еще наша колода осталась на прежнем месте, а на ней стояла тарелка с кашей.

Дорога потерялась в грязи, вокруг, насколько хватало глаз, была только изрытая колесами земля, и скоро мы совершенно заблудились. Никого из тех людей, что прошли по равнине, не было видно. Наконец нам встретились двое — они, видно, отстали от войска и бродили по размытому, растоптанному пустырю, ковыряя глину черенками копий. У них были лица стариков, их дряхлая кожа едва держалась на птичьих костях. На их поясах болтались позеленевшие от времени мечи. Увидев нас, один из них рыкнул что-то на своем зверином наречии и толкнул другого кулаком в ребра. Второй пошатнулся от тычка и рассерженно шикнул на своего обидчика. Когда мы подошли ближе, они переглянулись и засеменили прочь. Мы двинулись за ними в надежде, что они выведут нас к городу. Идти босиком было тяжело. Сырая грязь просачивалась сквозь пальцы, иногда я проваливался по щиколотку, но холода ноги уже не чувствовали.

Эти двое были куда быстрее и проворнее нас, двух прокаженных. Но у нас было наше упорство, и мы шли, не отставая ни на шаг. Мы преследовали их, пока впереди не появилась сизая кромка городских стен, и, даже когда стены выросли перед нами в полный рост, мы все еще наступали на их следы. Наконец один из них остановился. Он стоял и смотрел на нас, сжав кулаки, и я видел, как на лице его от бессильной злобы надулись желваки. Когда Иама приблизился достаточно, он бросил копье на землю, упал перед Учителем на колени и завыл:

— Ты за что меня сыскал? Отойди! Убирайся! Пошел! Пошел!

При этом он оттянул свой драный кафтан, и мы увидели на его груди черную татуировку — трехголовый знак Дракона. В глазах его были ненависть и страх, как будто перед ним не прокаженные оборванцы, а самые лютые враги. Сумасшедший!

Но мой Учитель только улыбнулся и протянул безумцу правую руку. Лохмотья сползли с нее, и стало видно неровное розовое пятно — знак нашей страшной болезни. Безумец подполз к этой руке и, облобызав ее, прошептал: «Исцели, Отец!» — но тут же отпрянул. Он попятился, сплевывая и растирая рот рукавом, а тот, другой, что все это время стоял молча в стороне и смотрел, вдруг храпнул, как конь, и разразился гнусным смехом. Развернув копье тупым концом, он ткнул под ребра первому, тот упал в пыль и завертелся, как змея, которой отрубили голову. Он вертелся, катался по земле, кусал себя за

пальцы, пока черенок копья обрушивался на его ребра то справа, то слева. Его тонкие жилистые руки и ноги отплясывали так, будто в них совсем нет костей.

На нас они уже не обращали внимания, и Учитель молча повел меня к воротам.

Наш город отмечал предел обитаемого мира — он стоял на последнем берегу, за которым лишь темное и холодное море. За это море улетают осенью птицы, люди говорят, что они зимуют на тучах и вьют из штормов свои гнезда. Рассказывали еще, что когда-то войско дэвов подошло к побережью, люди взмолились Святому духу, и море вышло из берегов и хлынуло на сушу, утопив нечистых, а люди, защищенные высокими стенами, остались в целости.

Большей своей частью город стоял на крутом уступе, на обрывистом и гулком склоне горы. Дальше простиралось бескрайнее и бурное море, и никто не знал, есть ли за этим морем другие берега. Башни храмов поднимались к тяжелому, отверделому небу, ветер приносил с моря сырой, едкий воздух, от которого язвы мои не заживали, а только разрастались и воспалялись год от года все сильнее. Только одним своим краем город спускался к каменистому берегу, и беспокойные волны выбрасывали рыхлые комки пены прямо на набережную.

В непогоду ветер сгонял к берегу рыбацкие лодки, и тогда над улицами повисал запах смолы и гнилого дерева. Помню, как отец смолил лодку, а я чинил снасти. Это все, что сохранилось о нем в моей голове, — остальное забрала болезнь. Еще безусым юнцом я стал учеником Иамы и оставил город. Теперь я выглядел много старше своего учителя. Сам он нисколько не постарел, только износилась вконец его одежда, и прежде жалкая, а теперь ставшая грудой гнилого тряпья, приросшего к коже. На моем лице и на всем теле болезнь оставила знаки, но у моего Учителя была только бледная розовая отметина на правой руке, при желании он мог прикрыть ее длинным рукавом, и никто не узнал бы в нем прокаженного.

Одни говорили, что он пришел к нам в наказание за грехи. В это я не верю. Другие считали, что его изгнали из всех других стран и ему некуда больше идти. Думаю, они ближе к правде. Учитель Иама говорил, что исходил весь мир вдоль и поперек и дошел, должно быть, до края света, где и нашел злосчастный наш город.

Его пытались прогнать, пытались убить не единожды и раз от разу все страшнее. Его побивали камнями, бросали с высокого утеса, ему выбивали плетью глаза и подмешивали в пищу яд. Он исчезал, бывало, на много дней, но потом появлялся вновь, живой и в целости, любые раны его заживали, не оставляя шрамов, только гнусная лепра была, как и прежде, на его правой руке.

Город не смог вместить в себя всю Вадаганову орду. Пространство у стен занимают юрты и кибитки. Над богатыми шатрами колышутся драконьи знамена и звенят медные бубенцы, возле бедных на высоких шестах перестукиваются тыквенные погрешки. Вместо знамен на ветру болтаются разноцветные обрывки овечьего руна. Костров столько, что земля под ногами сделалась красной от обожженной глины, красными были лица мужчин. Говорят, они покрывали их охрой.

Мы прошли под городскими воротами, и впервые за много лет под моими ногами не голая земля, но грубо отесанная гать. Но я уже не могу чувствовать ногами это старое дерево. На улицах тесно и душно, пахнет уксусом и пеплом. К каждому вдоху и выдоху я прикладываю усилие, будто совсем разучился дышать. Чем ближе мы к храму Святого духа, тем сильнее становится мое удушье. Учитель уже не поддерживает меня, он широко шагает впереди, а я ковыляю следом.

На главной площади особенно людно. Молодые воины Вадагана сидят широким кругом, а в центре танцует женщина. В ней я с трудом узнаю ту,

что последние годы выносила нам еду. Воины играют на пастушьих дудках, стучат в бубны из овечьей кожи. Их лица и волосы цвета крови, а зубы белые, как кусочки гипса. Женщина танцует под бляеные дудки, — растрепанная, простоволосая, она выглядит моложе. В ней нет больше ни страха, ни стыда, она сделалась сильнее и смелее любого мужчины — ее платье разметалось, стали видны ее белые груди и стройные ноги. Ее мужа, сырого человека с обвислыми усами, нигде не видно — он мертв, это точно, и она уже забыла о нем. Мужчины играют нестройно, не отводя от нее глаз, и все ясно в их взглядах: она стала полковой девкой. Я вдруг испытал смущение, ведь я никогда и думал быть с этой женщиной, с той, которая теперь делила ложе со столькими мужчинами. Она кормила меня иногда из жалости или из страха, но я не мог и представить, чтобы она предложила себя прокаженному с пустыря.

Двери храма открыты, мы поднимаемся на крыльцо, я вижу, что народу внутри собралось не меньше, чем на площади. «Нам не пройти через эту толпу, — думаю я про себя, пытаюсь ухватить Учителя за край одежд, но мои руки только бессильно цапнули воздух — Иама переступил порог и решительно двинулся в глубь святилища. Он идет сквозь толпу, и люди безвольно расступаются, даже не оборачиваясь на него. Кажется, они своими спинами чувствуют присутствие Учителя. Я иду за ним след в след и вижу впереди алтарь. Над ним возвышается большой столб из желтого ракушечника. Он огромен — наверное, его поднимали на помост впятером. В нем можно угадать человеческую фигуру — глубокие борозды очерчивают лицо, туловище и руки, скрещенные на груди в молитвенном жесте. Ниже высечены знаки — рог и бич. Я видел их прежде — иногда весной плуг выворачивал из земли обломки древних плит. Эти обломки обычно выбрасывали на край поля, подальше от человеческого жилья. Но никогда не было лиц — кто-то очень давно отбил их, и даже сами сколы выцвели от времени и покрылись известняковой коркой. Но на этом столбе есть лицо — надменное, царственное... в нем я чувствую тревожное сходство. Изобразивший его мастер прочертил только несколько линий — брови, скулы, подбородок, остальное еще в незапамятные времена сделало море: правая щека — отпечаток раковины, изогнутый позвоночник диковинной рыбы на месте рта, две темные впадины глаз, сизый пучок игл, — тень морской звезды на переносице. Да, я узнаю это лицо, я разоблачил это болезненное сходство. Ошибки не может быть: на меня из куска известняка смотрит учитель Иама.

Когда я смог наконец оторвать взгляд от каменного лика, то увидел еще две фигуры, справа и слева. Эти были из плоти и крови: слева стоял человек в кожаном панцире с высоким защитным воротом, закрывавшим нижнюю часть лица. Я видел только его глаза — круглые, безжизненные, как у снулой рыбы. В руках он держал большую пилу из странного металла. День был на исходе, но в его жидком последнем свете пила сияла, как блики на стылой воде. Справа от изваяния стоял бивересп — тот, кого я видел летящим на квадриге во главе войска. Вадаган! Я попытался отвести взгляд, но фигура бивереспа мучительно притягивала мое внимание, как зрелище мешка, набитого живыми змеями. И, не выдержав, проклиная свои глаза, я снова посмотрел на него. Он во всем был похож на человека — это был мужчина плотоядного сложения. Небольшая бородка придавала молодавость его лицу. На груди тускло блестела медная пектораль, плечи скрадывал густой волчий воротник, войлочный плащ топорицался за спиной, словно красное крыло. Черный острый колпак был перехвачен на висках золотым обручем.

Бивересп по-отечески улыбался людям, так, будто он собрался играть с ними в веселую игру. На мгновение его глаза уставились в нашу сторону. Учитель отпрянул — так мне показалось сначала. Но нет, сам Иама был неподвижен, только что-то неуловимо изменилось в его фигуре. Мне показалось, что она на секунду потеряла прежние четкие очертания, раздалась и задрожала,

как горячий пар. Я не мог видеть его лица, но я знал, куда он смотрит — на человека с рыбьими глазами и на пилу в его руках.

Вадаган воздел руки и заговорил на испорченном языке. Я знал его еще с детства — на нем говорили купцы из дальних стран, на нем творились недобрые чары, старшие иногда ругали меня нечистыми словами из этого языка.

— Я радуюсь вам, вольные люди! — говорил бивересп. — И вы радуйтесь мне! Наступил час нашего окончательного освобождения! Мой враг здесь, он наконец перестал убегать. Я чую его среди вас. Слушайте меня, люди, слушай и ты, враг мой! Я расскажу сейчас историю человеческого рода от Великого Потопа. Вспоминай меня, враг, и слушай. Люди зовут меня Вадаганом и Рыжим Змеем, а еще — Драконом Дахакой. Моим отцом был Тваштар-Кузнец из Первых людей, а матерью — чародейка Вадак. Я появился на свет в худшие времена и ходил среди людей, не знавших Святого духа. В те времена бессмертные боги воевали между собой, и на землю опустились холод и тьма. Звери и травы умирали без солнца, а люди укрывались высоко в горах, в пещерах и гротах. Муж и жены, старые и малые сбивались в огромные груды, пытаясь согреться, и насмерть замерзали так. Я видел эти груды — лица людей блестели, как глазурь, а руки и ноги были переплетены, как корни деревьев. Люди, которых я находил живыми, шли за мной, хотя сам я их вести не вызывался. Мы убивали за огонь, мы убивали из-за пищи. Так мои люди становились сильней и сильней.

Потом был Потоп, который смыл то, что пощадил холод. Когда вода спала и мы, гонимые голодом, спустились на равнину, там не было ничего, кроме промерзшей глины. Тогда до меня дошла весть, что далеко на Западе Первые люди возвели чудесный Город, что в его стенах всегда тепло и сытно, а люди, живущие там, ничего не знают ни о Зиме, ни о голодном мире снаружи.

Когда мы пришли в страну Первых людей, оказалось, что Город переполнился и люди расселились всюду на земле. Мы разрушали их селения, вытаптывали поля, и люди, голодные и голые, примыкали к моей армии, потому что им некуда было больше податься. Мы сокрушили Первых людей, разогнали их войско, а их самих истребили одного за другим. Только Пастух, самый хитрый из них, сумел скрыться от моего огня.

Наконец мы увидели Город, окруженный тремя высокими стенами. Люди жили в домах из белого камня и не знали ни болезней, ни голода. Некоторые из них никогда не покидали стен и думали, что Город — это и есть весь мир. Каналы с водой были похожи на полноводные реки, по ним могли ходить большие ладьи. В садах росли деревья и цветы, которых мы не видели никогда, под пышными кронами бродили животные, которых в остальном мире убила Зима. Таким был Город, когда мы вошли в него. Прежде я думал, что, прогнав Первых людей, мы сами поселимся в нем, но, увидев его своими глазами, я испытал ненависть.

«Нет, мой народ не будет здесь жить», — сказал я и велел сровнять Город с землей.

Мы вырубали деревья, а зверей пускали под нож. Мы были искусные птицеловы, и вскоре в садах стихли все песни. Голодные шакалы рыскали по улицам и местам для игр, в храмах гулял ветер. Мы ели и пили с жадностью, и широкие каналы переполнились от наших нечистот. Я велел разобрать городские стены, чтобы каждый мог унести с собой по камню. Камни рассеялись по земле, и никто больше не построил из них новый город. Жители Города убежали от нас в дикое поле и ели там падаль. Мы находили потом их высохшие остовы, очищенные ветром и дождем, проросшие быльем, и наши дети играли с их костями.

Когда Город пал, я стал правителем всего известного мира. Теперь все страны земли — мой дом и вотчина, а все вы под моим крылом и считаетесь моими детьми, людьми Дракона. Я не имею дворца и никогда не задерживаюсь на одном месте подолгу. У меня осталась на земле одна забота — Пастух,

последний среди Первых людей. Из года в год я обхожу свои владения в его поисках. Моими чаяниями для него на Земле не осталось места. Ваш город стоит на самом последнем берегу, за ним только море и пустота. Я знаю, он здесь, я чую среди вас своего врага, сегодня он пришел послушать меня. Сто лет он волочился по земле как привидение и наконец-то набрался смелости, вспомнил, кто он таков. Выйди! Выйди ко мне, Иама-Пастух!

Последние слова Вадагана превратились в глухой рев. По храму прокатилась волна страшного жара. Люди подались назад, началась давка, только тогда я заметил, что все двери закрыты и возле каждой стоят краснолицые воины. Я взглянул на Учителя Иаму. Он даже не шелохнулся, он стоял и пристально смотрел на Вадагана, а Вадаган смотрел на него. Это продолжалось несколько мгновений, потом человек с глазами рыбы ткнул в Учителя пальцем и хрипло рявкнул:

— Вот он! Связать!

На нас набросились со всех сторон, кто-то бросил меня на пол, я увидел, как рядом повалился на землю Учитель, затем кто-то двинул меня кулаком по затылку, и наступила темнота. В этой темноте мне привиделось, что из моих пальцев выросли когти — длинные и изогнутые, как у хищной птицы, и что язык мой сделался огромным червем, выполз изо рта и обвился вокруг шеи. Когда я проснулся, Учитель Иама сидел напротив и пристально смотрел прямо на меня — его глаза тускло блестели в темноте, он был так близко, что можно было протянуть руку и коснуться его, но у меня на это не было сил.

— Ты знаешь, что такое Потоп? — спросил он, увидев, что я окончательно проснулся.

— Да, Учитель. Мне рассказывали... Отец, кажется. Потоп был от долгого дождя. Все человечество превратилось в глину, кроме тех, кто спасся в Городе, далеко на Западе. Мне рассказывали. Так было.

— Все было не так. Ты не знаешь правды. Мало кто знает, но я тебе расскажу. Слушай последнее мое поучение, последнюю историю, которую ты от меня услышишь. Завтра меня казнят. Свою судьбу я знаю, но о твоей мне не известно ничего. Если Небеса смилостивятся, ты будешь жить. У меня нет других учеников, и некому слушать меня. Поэтому ты слушай и запоминай.

Он замолчал на время, мучительно припоминая что-то, потом тяжело вздохнул и начал свой рассказ:

— Прежде Дождя и Потопа была долгая Зима. Война Богов — так ее называют. Длилась она триста лет, а когда закончилась, льды растаяли, случился страшный ливень, реки разлились, и море воевало с сушей. Паводок превратил в глину то, что пощадил холод. Но остался Город, в котором Первые люди сохранили семена всех животных и растений, чтобы потом заселить землю. Я знаю. Я построил этот Город.

Эти слова он произнес с видимым удовольствием и долго еще молчал, наслаждаясь наступившей тишиной.

— Да, — наконец заговорил он. — Я происхожу из рода Первых людей. Мы не умеем умирать, не стареем, любые наши раны и увечья заживают очень быстро. Ты сам все видел, ученик. Живем мы сотни лет, но ни одной морщинки не появляется на наших лицах. В прежние времена мы общались с племенем Небожителей и с самим Наилучшим Господом, Святым духом, но эти времена прошли. Теперь от всего нашего рода остался я один.

Недуг, от которого ты так страдаешь, появился по моей вине. Я первым среди людей прикоснулся к проклятой плоти, когда хоронил старшего брата Тахма-Урупи, Могучего Тельца, Первого среди Первых. Злой дух, погубивший брата, перешел в мое тело, и болезнь проступила на моей руке как гнусная красная сыпь. Я хорошо знал лекарское искусство и смог исцелиться тогда. Болезнь отступила и многие годы не давала о себе знать.

Раз в десять дней в мои чертоги спускался небесный вестник Соруш, который передавал мне Слова Бога. Наши беседы с вестником велись на языке бес-

смертных, а затем я пересказывал людям все, что мне открылось. Много они понять не могли, их умам недоступен был язык небесных светил, и я многое упрощал, рассказывал на свой лад — тогда я не видел в этом большого вреда.

Но вот в один из дней Соруш явился печальнее обычного и сказал, что некоторые люди, почитая Иаму-Пастуха, не почитают Святого духа и Наилучшего Господа, которых не видят и не понимают. А я сказал: «Быть посему. Пускай они почитают меня, ведь это я спас их, когда боги воевали там, в небесах». Услышав это, Соруш помрачнел и с того дня больше не приходил. Я не мог уже передавать людям Слова Бога, но каждый день выходил к ним и рассказывал другое. В моих новых поучениях не было ничего от Слов Бога, но люди не видели разницы, потому что привыкли слушать меня и не ждали от меня никакой лжи.

Вскоре в чертоги пришел мой брат, Тваштар-Кузнец, в окружении учеников. Он долго смотрел на меня, он был зол, но я из гордости не замечал этого.

— Правда ли, что ты Бог среди людей? — спросил он наконец.

— Смотри сам, — ответил я.

Тваштар развернулся и вышел вон, а его ученики последовали за ним. В тот же день они ушли из Города и затерялись в ледяных пустошах. Я не стал их искать, решив, что они пропали навсегда.

Прошло полтора столетия, закончилась Зима, миновал великий паводок. Земля опустела, и людям пришлось заново заселять ее. Скоро появились новые селения, города, а потом и целые страны, такие обширные, что и орел в семь дней не облетит. Всюду люди строили святилища Иамы, Пастуха над людьми, всюду почитали меня как Бога.

В это время и вернулась моя болезнь. Лепра снова появилась на руке, но теперь это была не редкая сыпь, а большое пятно, которое могли видеть все. Я перестал показываться людям, я отослал прочь учеников, оставив подле себя только самых верных. Многие дни я проводил в раздумьях, уединившись в своих тайных палатах, вдали от дневного света.

А с Востока тем временем пришла новая беда — орды невиданных существ. Их кожа была красна словно кровь, зубы остры, а лица безобразны. Они убивали моих людей и сдирали с их голов скальпы, чтобы потом хвалиться перед сородичами. Многие города были разрушены от их диких налетов, и люди бежали к стенам Города. Поначалу мы приняли их за дэвов, слуг Злого духа. Но это были люди. Оказалось, что Зима убила не всех. Многие нашли себе убежища среди горных вершин. В далеких горах они жили словно дикие звери, сражаясь за огонь и питаясь друг другом. За триста лет они утратили свой прежний прекрасный облик и теперь нарочно еще больше уродовали себя: заостряли зубы, красили лица охрой и обвязывали головы своих детей сырыми жгутами, чтобы черепа их безобразно вытягивались. Им нравилось выглядеть подобно злым духам и убивать ради забавы.

Это были люди, насмехающиеся уже над тем, что они люди. Но Вадаган, который вел их за собой, был настоящим чудовищем. Тогда мы все видели Его настоящее обличье, Его природу — он был похож на грозу, но эта гроза вместо прохлады несла удушье. Он расправлял свои крылья из пепла, и на всей Земле становилось темно. Его огненные языки лизали землю, превращая леса и горы в пыль...

Ни в одном из языков не было слова для этого существа, и мы придумали новое — Дракон. Сейчас Вадаган выглядит по-другому — ты сам видел, он больше не зверь и во всем похож на человека. Я долго гадал, отчего это произошло, но теперь, кажется, понимаю — когда мне удалось от него спастись, он сам осознал свою ошибку. От бури можно убежать, можно укрыться, а от человека — нет.

Мы выступили против Вадагана всеми силами. Три раза мы сходились с дикарями, и три раза нас теснил огонь Дракона. Один за другим мои братья пали. Я отступил, скрылся в Городе, который не смогла бы взять приступом

ни одна армия. Но случилось так, что Спитур, мой лучший ученик, восстал против меня и объявил, что откроет перед Вадаганом все ворота. Он грозился убить меня, и мне пришлось бежать. На другой день, уже в пути, мне стало известно, что Спитур сдал Город врагу.

Так началось мое вечное бегство. Первые десять лет я странствовал не один — трое моих учеников разделили со мной изгнание. Третаэспа умер первым — он заразился еще во дворце, и недуг сточил его за пару лет. Пэриявуша схватили люди Вадагана. Я слышал, его привязали к колеснице и тащили через все царство. Остался только Ашаспэнта... Он воровал для меня еду и скоро стал обыкновенным разбойником. Чем дальше мы удалялись от Города, тем безлюднее и пустынной становилась земля. Мы готовы были есть червей и коренья, но и те попадались редко. Мы забредали в редкие селения ночью, потому что днем нас прогоняли прочь. Однажды я заметил, что одежды моего ученика перепачканы кровью, и Ашаспэнта признался, что теперь будет убивать ради еды. Вскоре его не стало, кажется, это я его убил... Да, верно — я задушил его во сне.

Долго я скитался по земле, мучимый голодом, мои одежды превратились в лохмотья. Временами я даже сожалел о смерти Ашаспэнты — ведь он был готов на все, чтобы прокормить меня. Однажды в пустой и дикой земле на Востоке я повстречал людей, зовущихся насукашами. По старому обычаю, они относили умерших на высокие скалы и привязывали за руки и ноги к острым камням, чтобы хищные птицы и звери могли обглодать их плоть до костей. Из всех людей только насукаши могут без страха прикоснуться к гниющей плоти, настолько они нечисты. Их было двое, они не имели имен — один другого звал просто «ты». Наверное, поэтому мое присутствие вызвало у них поначалу раздражение: их рассердило то, что придется и для меня выдумывать какое-то имя. Поначалу они даже пытались меня прогнать, чтобы я не отнимал их хлеб. Но я навязался к ним в помощники, и мало-помалу они смирились.

Я узнал их быт — они ели ящериц и пили вонючую соленую воду из колодца. Спали насукаши в убогой хижине из глины, в которой не было очага — по закону им запрещалось разводить огонь. Постелью им служили грубые циновки, одеялом — обрывки коровьих шкур. Они не имели даже сандалий, кожа на их ступнях так загрубела, что они спокойно обходились без обуви. Обыкновенно они молчали, играли в кости или спали мертво и глухо. Со мной они не разговаривали и никогда не принимали в свои игры и, кажется, обращали на меня внимания не больше, чем на какой-нибудь мертвый камень. Вскоре они выдумали для меня имя — Пустой. Когда требовалось дать мне какое-нибудь поручение, они громко обсуждали его между собой, не обращая ко мне напрямую: «Пустой ходит туда-то, пусть отнесет то-то, пусть добудет нам еды».

Работа была нетрудной — время от времени к нам приходили люди из далеких селений и просили забрать умерших родственников. Я запрягался в деревянную тачку и отправлялся за телом. За плечами я носил плетеную корзину — в нее можно было складывать мертворожденных и маленьких детей. Насукаши обрадовались, когда я взялся за эту работу, — оба они были старики, и им тяжело было таскать такие ноши.

Прошло несколько лет, и у одного из них появилась красная отметина на щеке. Вскоре кожа вокруг отметины покрылась мелкой красной сыпью. Все это были знаки моей болезни.

Я ждал расправы и наблюдал, как меняются эти двое. Раньше они любили подтрунивать надо мной — иногда за трапезой бросали в меня мелкие камушки или посыпали мои волосы песком. Я молча сносил эти издевательства — в них не было ни злобы, ни смысла, только какое-то одичалое чувство, которое они не могли выразить по-другому. Теперь они просто сидели в стороне, как два голодных сыча, переговариваясь между собой короткими острыми взглядами. Они не играли, не жаловались на судьбу, они молчали днем и ночью, даже когда родственники умерших приносили свои скудные подачки.

Где-то втайне от меня они раздобыли крепкую веревку. В одну из ночей, пока я спал, они связали меня по рукам и ногам и забросили в свою скрипучую тачку.

Я проснулся и сразу же попытался освободиться, но они дружно навалились на меня, принялись бить и царапать ногтями. Тогда только я понял, какие у них цепкие и сильные руки. Я боролся до тех пор, пока один из них не догадался поднять с земли увесистый камень. Два или три раза он обрушил камень на мою грудь и плечи, я застонал от боли и надолго забылся.

Когда я пришел в себя, полуденное солнце светило мне прямо в лицо. Двигалась тачка медленно — в тачку можно было запрячь только одного, и насукаши тащили ее по очереди. Второй, переводя дух, шел рядом. Два или три раза они устраивали продолжительный привал и тогда едва слышно переговаривались между собой. Сначала мне казалось, что говорят они бессмыслицу, но потом, прислушавшись, услышал вот что:

— Там, где люди видят одну голову, я вижу все три, — задумчиво произнес первый. — Люди мне лгут, а я не верю: это не ветви растут из его плеч, а змеиные головы.

— Знал я одного змеелова, — шепотом подхватил второй. — Он ел змей и запивал их крепким медом.

— Тише! — свистнул первый. — Он проснется!

— Хватит слов. Ты теперь вези, — распорядился второй.

Тогда я решил подать голос:

— Вы, трупоносы! Отпустите меня! Вы знаете, кто Я?

Старики обменялись быстрыми, недовольными взглядами, потом один из них, тот, на чьей щеке проступила лепра, сказал:

— Мы знаем Тебя, Иама, враг людей и богов. Ты был Первым среди людей, а теперь Ты только мышь, спрятавшаяся от когтей ястреба. Ты скрылся здесь, среди пыли и сора, Ты нашел самых нечистых людей на земле и сумел их замарать.

Больше я не спрашивал их ни о чем. К вечеру мы добрались до тайного места. Здесь они и расправились со мной — за руки и за ноги они приколотили меня к выщербленной скале и оставили, как оставляли прежде мертвецов. Они вбили по деревянному клину в мои ладони и одним деревянным клином прикрепили узел, которым были связаны мои ноги. Волосы они намотали на коренастый и раскидистый куст, который рос прямо из камня над моей головой. Насукаши сделали это просто и быстро, как делали с мертвыми сотни раз до того. Уходя, ни один из них не обронил ни слова. Наверное, добравшись до лачуги, они уже не помнили меня.

За ночь и последующий день я испытал столько неудовольствия, сколько не испытывал за всю жизнь. Я просил небо послать мне скорую смерть, но смерть не пришла, вместо нее на закате явился мой прежний друг Соруш. Он не был похож на земных мужей, но я сразу узнал его и спросил только, что за лазурь колыхается у него за плечами? Он ответил: «Потому я оделся в лазурь, что ты покрыл себя паршой и коростами. Теперь мое племя небесное и твое племя земное будут порознь». Тогда я спросил его, отчего он плачет, но он не ответил. Мне показалось тогда, что он плачет над моей участью, но теперь я знаю, что это не так.

Три дня просидел Соруш, склонившись надо мной, роняя слезы на мое лицо. В них не было соли, и я жадно разевал рот, чтобы эта влага стекала мне на язык. На исходе третьего дня вдали появился караван, и Соруш оставил меня. Это было чудесное спасение — ведь купцы никогда не заходили так далеко в пустоши. Не знаю, что привлекло их внимание, — должно быть, издали они увидели неземную лазурь, или Соруш подал какой-то другой знак. Хозяин каравана подослал ко мне слуг — узнать, что за ужасное преступление совершил я, раз меня подвергли такой казни. Мой разум к тому времени прояснился, и я сказал, что на меня напали разбойники во время путешествия по

дальним странам. Купец велел освободить меня, накормил, смазал мои раны елеем, одел в богатые одежды. Я лгал ему на каждом слове, придумывая себе новую жизнь: я был Гаумата, младший сын из знатного рода. Случилось так, что старший, неразумный, брат потерял все родительское богатство, и я отправился в дальние страны, чтобы восстановить имя семьи. Караванщик верил мне — его обманули молодость моего лица и то, как складно я говорил. К счастью, никто из купцов не знал ничего о моей болезни, к тому же ее знаки легко было скрыть под одеждой. Мои раны, к удивлению купца, скоро зажили, и я смог присоединиться к нему в дороге.

Так я перестал зваться Пустой, и сделался Гауматой. До сих пор я с любовью вспоминаю об этой своей выдумке. О, Гаумата! Воистину лучший среди мужей! Наравне со всеми я любовался им, тем, как он вел дела, какие речи говорил на пиру, как шутил. Само собой, купец вскоре приблизил его к себе и сделал своим помощником. Вместе они странствовали по суше и по морю, торговали оловом и пряностями, бисером и золотом. Купец хвалил Гаумату перед своими товарищами так, будто он был живой человек, а не ворох пустых слов, и однажды, собрав свою родню, объявил, что хочет выдать за него свою дочь — Сурью. Девушка любила молодого торговца страстно, словно бога, и верила каждому его слову.

Через несколько лет купец умер, и все богатства отошли Гаумате. Он стал много путешествовать по свету, и всюду его принимали как желанного гостя. Везде его любили, все хотели иметь с ним дело. Он, конечно, получал свое с каждой сделки, но при том никого не оставлял в большом убытке. Про него говорили, что он никогда не лжет.

Вскоре Гаумата совсем забыл свою прежнюю жизнь, и мало-помалу его слова перестали быть ложью даже для него самого. За все время только один случай неприятно потревожил его память. В одном из городов он увидел разрушенное святилище, которое люди старались обходить стороной. Только бродячие собаки днем грелись на огромных плитах, истраченных ветром и дождем. Гаумата спросил у прохожего, что это за место, на что тот нехотя ответил: «Это храм забытого бога Иама. Люди давно бы растащили эти камни для своих нужд, но они брезгают прикасаться к ним, чтобы не замарать себя». Гаумата еще долго стоял перед святилищем, пытаясь вспомнить, что за бог был Иама, и вдруг разразился таким смехом, что слуги испуганно переглянулись — не сошел ли их господин с ума. В тот же вечер на постоялом дворе он залез к хозяйской дочке, долго терзал ее тело, пока оно не стало похоже на горячий липкий воск. Тогда наконец насытившись, он уснул и наутро, забыв, кто таков был этот Иама, вернулся к делам.

Что бы со мной было, останься я этим счастливым Гауматой? Не знаю. Думаю, я бы жил долго, очень долго, но в конце концов состарился бы и умер, как это делают все люди. Но этого не случилось — Гаумата получил от Иама страшное наследство. На седьмой год супружества на стройных плечах Сурьи стали видны знаки недуга. Как-то за столом она случайно поранилась — нож рассек кожу на ладони, но она даже не заметила этого. Увидев кровь, она растерянно посмотрела на меня и улыбнулась. В ее глазах не было испуга, она еще не понимала, что случилось с ней, но меня сразу же охватил страх. Сурья видела отметины на моем теле, и, когда проказа даст о себе знать, она обвинит в ней меня. Я хотел жить среди людей, мне нравилось мое место среди них. Разве должен Гаумата страдать из-за грехов какого-то прошлого человека? Ум и дух привыкли к роскоши, и гордыня опять поправа мой рассудок. Вскоре я уже знал, что делать: в то время люди считали, что лепра бывает от блуда, и мне ничего не стоило обвинить Сурью в прелюбодеянии. Ее за волосы вытащили на площадь и забили насмерть камнями. Сурья кричала от страха, искала меня глазами в толпе, но видела только чужие рассерженные лица и летящие в нее камни. Наконец какой-то метко брошенный камень расколол ей голову, и крики прекратились. А я стоял в стороне, приняв вид оскорбленного

мужа, и смотрел на сырой и бурый клок волос, торчащий на ее голове. Крови было немного, но мне почему-то сделалось дурно. Тело Сурьи оттащили за город и бросили у дороги на корм воронью, чтобы Гаумата мог жить дальше.

А жил он как лучший из людей — богатство его год от года множилось, вскоре он поселился в счастливом и изобильном краю, на берегу ласкового южного моря. Дом свой он поставил на высокой горе, далеко за городскими стенами, и завел в нем множество слуг и сонм наложниц. Так проходили его годы, и мало-помалу он становился мне скучен. Я больше не любовался им и просто стоял за его спиной, дергая за рукава, полы одежд, иногда, со злостью, — за волосы.

Но вот по стране пронесся тревожный слух — сам Вадаган захотел навещать великого Гаумату, погостить на его дворе со всей своей огромной свитой. За много дней до его прибытия в городе сменили всю стражу, на улицах стали рыскать соглядатаи, к моему двору стянулись звездочеты и маги со всех концов страны. Все они сулили мне долгие года и счастливую старость.

Я не бежал в одночасье — и все из-за Гауматы. Много дней этот злосчастный человек метался в моих мыслях, предчувствуя свою скорую гибель. Он умолял, плакал, смущая мой разум сомнениями. Наконец я уехал из города и уединился в поместье. Слуги знали, что великий Гаумата хочет уладить все свои дела перед визитом Вадагана. Последние приказы я отдавал тайно, через самых близких и надежных людей. В первый день я велел перетравить всех собак в моей своре. На другой день слуги забивали моих жеребцов, а кобылиц выгоняли на дикие луга на прокорм диким зверям. В третий день я поджег свое поместье и пустил ко дну все корабли. Мои наложницы и слуги отправились на невольничий рынок и ушли там за бесценно. Некоторые из них захотели принять яд, чтобы не оставлять меня. Я позволил им это, сказав, что и сам вскоре отравлюсь. Утром четвертого дня я сделался нищим и оделся в рогожи. Во всех концах земли люди рассказывали о безумствах Гауматы, но самого Гауматы на земле уже не было.

Когда занялся рассвет, над морем встали крылья кораблей. Вадаган привел не свиту, а целое войско. К полудню я вышел в город в последний раз. Здесь были шум, неразбериха. Людей хватили на улицах и выводили из домов, сдирали с них одежды и украшения и гнали куда-то за городские стены. Меня — нищего, в рогожах — никто не тронул, никто не заметил меня на земле.

Уже потом, проведя в пути несколько месяцев, я услышал множество страшных историй про то, что в тот день творил Вадаган. Говорили, будто он поджег само небо, и звезды, обугленные, падали на землю. Я знаю, это выдумки — их люди пересказывают друг другу, чтобы не слышать и не думать о том, что было на самом деле. Говорили еще, что он забил трупами все колодцы, а старейшин распял на столбах, которые поставил вдоль дороги, ведущей из города. Но все эти стрелы долетали до меня, уже истратив силу, и не причиняли никакого вреда.

Мое изгнание возобновилось. Как и много лет назад, я удалился от человеческих жилищ, от пастушьих костров и рощ, где приносились жертвы. Вскоре я оказался в засушливом и каменистом краю, где не было ни ветра, ни птичьих голосов, только горячие камни и пустое небо, в котором вместо солнца был разлит ровный ослепительный жар, — так, наверное, выглядела земля до сотворения человека и зверей. Время здесь шло медленно, как плуг идет через непаханое поле. Иногда оно останавливалось совсем, потому что вокруг не было ничего, что могло бы длиться, а иногда поворачивало вспять, и я, пройдя за день некоторое расстояние, наутро оказывался в самом начале пути и повторял его шаг за шагом, пока не выбивался из сил.

Однажды я оказался на дне просторной каменной чаши, где было озеро с холодной прозрачной водой. Я бродил среди выщербленных скал в поисках съедобных кореньев, когда над моей головой раздался страшный грохот. Камень летел вниз, гулко ударяясь о пологий склон, выбивая мелкий щебень,

искры и обломки много больше себя. Я задрал голову, но солнце слепило глаза, я не мог понять, откуда полетят на меня камни, и в страхе бросился к воде. Где-то в невидимой высоте раздавались голоса и смех моих несостоявшихся убийц. Я набросил на себя дорожную накидку так, что внешне стал неотличим от окружающих валунов. Прошло время, и с соседнего отрога покатился еще один камень, на этот раз он произвел куда больше шума и грохота — я погиб бы, попади я под этот обвал. Каждый удар отдавался долгим звонким эхом.

Вскоре я догадался, что люди наверху и не думали меня убивать, — они бросали камни для забавы, просто чтобы испытать свою силу. Вскоре они появились у воды, и я смог их разглядеть: несколько молодых мужчин и женщин, никто из них не имел одежды, только один юноша носил на плечах черствый обрывок шкуры. Не видя меня, не зная обо мне, они окунулись в ледяную воду и тут же, на берегу, принялись играть. Они покраснелись от холода, дышали часто и весело. Иногда юноши и девушки парами скрывались среди скал, но я не подглядывал за ними, предпочитая наблюдать за теми, кто оставался. Устав от игр, они снова собрались вместе и гуськом стали подниматься по узкой тропе вверх по склону. Я последовал за ними, прячась в расщелинах и выворотнях, словно ящерица. Но они вскоре почувяли меня и стали оглядывать с любопытством. Они не окликнули меня и не попытались прогнать, а просто шли, не сбавляя шага, — для них это было как продолжение игры. Наконец мы вышли к большому гроту, где была их стоянка и горели костры, вокруг которых сидели женщины с детьми. Я успел забыть запах дыма, отвык от тепла и поэтому жадно уставился на огонь.

Меня подпустили к костру, со мной попытались заговорить, но я не понимал слов. У этих людей был простой и грубый язык, ужимками и жестами они напоминали детей. Кое-как я сумел объяснить: я голоден и не желаю больше спать на голых камнях. Они согласились принять меня к себе. Я назвал себя Субан, и они смеялись: имя показалось им странным.

В ту же ночь я спал в гроте вместе с ними, а на другой день они взяли меня в лес собирать коренья. Так я и остался жить с горным народом. О, что это было за время! Даже в своем Городе я не знал такого счастья и такой свободы от страстей. Они жили просто — охотой и собирательством. Никогда они не оставались на одном месте подолгу, жилищами для них служили просторные пещеры, в которых они спали большой грудой, согревая друг друга. На одной одежде не было совсем, другие прикрывали свой срам шкурами. Среди них не было ни мужей, ни жен, и никто никому не принадлежал. Они просто любили друг друга, не зная ни ревности, ни похоти. Дети считались общими, подрастая, они не помнили, кто их матери, — все мужчины и женщины заботились о них в равной степени. Среди них было мало стариков — немногие доживали до седых волос, но смерть, кажется, не особенно печалила этих людей — своих мертвецов они относили подальше в лес и вскоре забывали про них. Они не знали никаких богов, зато боялись теней, что обитали по углам пещер. Эти удивительные люди не умели разводиться огонь и, получив его однажды, берегли паче малого ребенка. Когда они переходили с места на место, их огонь жил в углях и головнях, которые они складывали в грубые глиняные сосуды.

Происхождение горного народа осталось для меня загадкой. Я только могу предположить, что они пережили Великую Зиму и Потоп высоко в горах, как и люди Вадагана, но при этом скверна Дракона их не коснулась. Сами они не знали ничего о прошлом своего рода, имена их предков забылись. Кроме нашей семьи было еще несколько больших родов — они жили и кочевали на большом расстоянии от нас и друг от друга. Иногда женщины и мужчины уходили в эти другие семьи, они делали это по своей воле, и никто не удерживал их. К нам тоже приходили молодые юноши и девушки, и семья моя принимала их, как приняла в свое время меня. Я пытался рассказать им, откуда я родом, но они только отмахивались и смеялись: «Мы знаем, ты из дальней семьи,

что живет на отрогах, далеко на севере. Мы слышали, они говорят на другом языке и не знают наших обычаев».

За десять лет, что я прожил среди этих счастливых людей, лишь двое из них заразились моим недугом. Их я незаметно умертвил во время охоты — одного столкнул в пропасть, другому перебил ногу и бросил на съедение волкам. Так что не болезнь заставила меня в конце концов оставить горный народ, а мое собственное недомыслие.

Как-то молодые взяли меня с собой поиграть. Эта игра была мне хорошо знакома — нужно было бросать валуны по склону. Правила были простые — побеждает тот, чей валун укатится дальше и произведет при этом больше шума. В этой игре я особенно преуспел — я без труда швырял скалы, которые другие мужчины не могли оторвать от земли. «Субан сильный», — говорил я девушке, к которой обычно прижимался ночью. «Нет, — отвечала она, — Субан смешной». И заливалась звонким смехом. Ее имя значило «быстрая» и «весенний ручей». Ее смех задевал меня, как мальчишку: «Нет. Я сильный». Но она не верила: «Спроси у любого, и он ответит, что ты смешной». И это было правдой. Но мне все равно хотелось всех удивить, убедить в собственной силе, и поэтому я искал камень побольше, когда заметил на осыпи мелкого щебня несколько огненных камней. Наверное, ранней весной их принес туда сель. Мои соплеменники не обращали на них никакого внимания. Я выбрал обломок, подходящий для огнива, собрал пучок сухих веток и начал высекать искры. Вскоре я почувствовал, что остальные забросили свои забавы и с любопытством наблюдают за мной. Женщины вскрикивали каждый раз, когда получались искры. Девушка, чье имя значило «весенний ручей», смешно прикрывала ладошкой рот. Наконец ветки занялись, и люди, не веря своим глазам, заголосили наперебой. В их глазах были и удивление, и страх, и восторг, они забыли свой нехитрый язык и просто кричали на разные лады и смеялись сами над собой. Они стали лихорадочно шарить по насыпи, выискивая огненные камни. Они приносили мне свои находки и спрашивали только: «Да?» Так я научил людей добывать огонь.

То, что сначала показалось мне забавой, я вскоре расценил как необходимость. «Я спасаю этих потерянных людей от нужды и холода, — говорил я себе. — Огонь сбережет их, оградит от темноты». Но прошло время, и я понял, что совершил очень дурное дело. Как только огня стало много, горный народ стал меняться. По вечерам люди разжигали огромные костры, верхние языки пламени раскрашивали тучи багровыми всполохами. В огненных всполохах они устраивали дикие пляски и совокуплялись как нечистые духи. Старшие обряжались в звериные шкуры, и младшие нападали на них, изображая охоту. Иногда младшие увлекались, и старшие, израненные, избитые, валились на землю. Люди не боялись теперь своих теней, они не боялись и самого огня и не берегли его, как раньше, — огонь сделался их рабом. Теперь они говорили: «Мы сильные, сытые звери. Горные львы сторонятся нас, степные туры бегут от нас. Огонь кормится от нас, как малое дитя».

Тогда я думал, что подарил им нечто важное, значительное, на самом же деле я отнял единственное, что у них было. В огне была самая большая их драгоценность. Я превратил его в прелесть. «Огонь загорается по нашей воле, — рассуждали люди. — И раз наша воля сильнее огня, то мы можем получить все, что пожелаем». А желали они теперь многого — еды, игр, женщин, — всего им вдруг стало не хватать. Спать вместе они перестали — они еще не знали стыда, но уже узнали неприязнь. Ссоры и драки стали у них обычным делом. Я узнал, как звучат на их языке слова «мое», «мой» и «моя».

В отчаянии я пытался поведать им Слова Бога, они не слушали меня. Слова Бога звучали на языке этих людей как неуклюжая и пустая брань. Я говорил им про умеренность, но они только смеялись надо мной. Я пытался научить их смирению, и это привело их в ярость. Они прогнали меня, они бросали камни мне вслед, чтобы я не нашел обратной дороги и не вернулся к их очагам.

С тех пор мне приходилось держаться от них в стороне. Я мог бы уйти совсем, но какое-то томительное чувство препятствовало этому. Мне хотелось остаться в их диком краю и хотя бы издали наблюдать их жизнь. К тому же тогда я просто не знал, куда мне еще податься. Вскоре я устроил себе убежище на одной из вершин, оттуда видны были сизые склоны соседних гор и некоторая часть каменистой равнины, которую я пересек когда-то. Равнина тянулась на запад и там, в туманной дымке, смыкалась с небом. Отсюда было хорошо видно, как по вечерам на отрогах один за другим загораются костры.

Еще кое-что связывало меня с горным народом: каждые два-три дня ко мне приходила та, чье имя значило «весенний ручей» и «быстрая». Она приносила еду и согревала мое жалкое ложе. Она делала это тайно от соплеменников, хотя те, кажется, успели уже позабыть смешного и неразумного Субана.

Мало-помалу я привык и к этой жизни. В конце концов, одиночество было вечной частью моей жизни. Одна только смутная мысль не оставляла меня. Она была со мной, когда я просыпался и когда закрывал глаза, отходя ко сну, как если бы кто-то нацарапал ее стилем на внутренней стороне моего лба: «А что, если я снова вмешался в замысел Небес, что, если испортил его? Может быть, люди по-настоящему были спасены не в моем Городе, а здесь, на дикой и первобытной земле. Что, если они во всем были как дети, которые еще и не начинали жить, а только играли в свою будущую жизнь?»

А ведь они могли стать людьми новыми, лучшими, свободными от страхов и пороков. Когда-нибудь они преодолели бы страх перед тенями, пляшущими на стенах пещер, и повернули бы ясный взор к Огню, который отбрасывал эти тени, Огню, на который больно смотреть, потому что он — есть свет настоящего дня. И тогда они познали бы его, как сделал это Небесный народ. Но вот пришел я, грубый и неразумный взрослый, и вмешался в их игру, запутал ее и смутил играющих. Я принес им поддельный, земной огонь, который сам есть только дым от настоящего Пламени. Теперь уже ничего нельзя поправить и ничего не изменить.

В то время как я, наблюдая за светом далеких костров, размышлял над своей страшной догадкой, в пустоши на западе стали загораться другие огни. Сначала их было немного — два или три тусклых свинцовых гвоздика. Они с трудом пробивались сквозь темноту и устилавший равнину серый туман и часто мигали, что говорило о большом расстоянии. В первые ночи казалось, что эти огни не двигаются совсем. Но потом они заметно сместились к северу, их свет усилился и стал ровнее.

Прошло еще немного времени, и свинцовых гвоздиков стало больше. Скоро уже невозможно было разобрать отдельные огоньки, не то что уследить за их движением.

Поначалу огни очень взволновали горцев. Каждый вечер они выходили на западный склон и смотрели, как тлеет на западе мутное желтоватое зарево, а я, в свою очередь, наблюдал за ними из темноты. Вскоре, однако, им надоело это занятие, и они стали приходить изредка по двое, по трое, всегда находя для этого какой-нибудь предлог, словно стесняясь этого своего занятия. Иногда на высоких местах мне попадались остатки костров, так, словно кто-то пытался подавать знаки на ту сторону равнины.

Зарево раздулось и сделалось багровым. К тому времени я начал слышать едва различимый гул, исходящий от земли и камней. И с каждым днем гул этот набирал силу, и вскоре в нем стали слышны крики рожков и рокот барабанов. Подбрюшья облаков побагровели от огня. Только одно войско на земле настолько велико, чтобы поджечь небо, и это войско Вадагана. Я не мог больше откладывать свое бегство...

Прервав рассказ, Учитель прикрыл глаза и некоторое время беззвучно шевелил губами. Так, осторожно, он произносил заклинания, которые можно было поверять только тишине, слова, которые самой Природой запрещено

было наполнять звуком. Затем я снова услышал его голос — надтреснутый, сухой, в каждом слове звучало усилие:

— Теперь я поведаю тебе самое главное. Мои дальнейшие странствия не заслуживают подробного рассказа. Скажу лишь, что в конце концов я пришел в последнюю страну на последнем берегу и взял ученика из вашего города. Его обучение продолжалось семь лет, и за это время я передал ему все свои знания. Я открыл ему тайны перелетных птиц и полевых трав, устройство планет и неподвижных звезд, рассказал, отчего бывают морские приливы и солнечные затмения, как горы становятся песком и в каком из сердечных желудочков таится душа. Я учил его, как воду можно превращать в вино, а пыль — в хлебы, как убивать словом и взглядом, как прорицать и заклинать огонь. Ученик выслушивал эти поучения внимательно и благодарил меня за каждый урок. Но когда, спустя время, я почувствовал, что знания мои иссякают, он подвязал пояс и, не сказав больше ни слова, ушел.

Со вторым учеником я поступил иначе. С ним мы подолгу пребывали в размышлениях и предавались созерцанию. Помня свои ошибки, я старался не вмешиваться в его размышления и только слегка направлял ход его мыслей в надежде, что он в конце концов откроет Истину своими силами. В его взгляде я читал зарождение новой мудрости и говорил себе: «Этот человек во всем будет лучше меня. Ему не нужны Слова Бога, ему вообще ничего не нужно, кроме его собственных мыслей». Но случилось иначе: в своих суждениях он пришел к выводу, что жизнь вечная равносильна вечной смерти, и умертвил себя.

Ты мой третий ученик, и четвертого не будет. Все эти годы я присматривался к тебе и выжидал время, когда можно будет начать настоящее твое обучение. Все, что ты слышал от меня, было правдой только наполовину, однако любой человек удовольствовался бы этой полуправдой и принял бы ее за окончательную Истину. Теперь я вижу, что время пришло, и, если даже это не так, у меня не будет другого случая передать тебе свою Благодать...

Но тут в узилище раздались тяжелые шаги, и Учитель Иама смешался. Приступ удушья и тошноты накатил на меня. За стенкой, в соседней клетке, зашевелились, заскулили тоскливо другие узники. Из-за двери пробивался свет факела, слышались голоса — кто-то разговаривал со стражниками. Иама стиснул зубы и завертел головой.

— Он пришел. Слишком рано. Не впускай его... — процедил он, но было поздно. Скрипнул засов, косматая тень протиснулась в открытую дверь и заполнила собой все пространство, не оставляя места для воздуха или движения.

Вошедшей не удостоил меня взглядом. Все его внимание было приковано к лежащему у стены Учителю. Правой рукой он оттеснил меня, вернее, вдавил в стену и резко окрикнул кого-то невидимого:

— Спитур! Закрой дверь!

— Да, господин, — бесцветным голосом отозвался Спитур. Дверь захлопнулась, но свет по-прежнему проникал сквозь узкое оконце. Мои внутренности словно бы стянуло в тугой узел, а в ушах испуганно задребезжали медные бубенцы:

Оборотень! Оборотень! Ведьмин сын!
Что он прячет под своим воротником?!

Вадаган надвинулся на Иаму еще сильнее, склонился над ним, лежащим, вжал в стену и пол и выдвинул вперед правое плечо.

— Здравствуй, Учитель, — прошептал бивересп. — Это я — твой самый верный... единственный Ученик.

— Ты не мой ученик, я не знаю тебя, — бесцветно ответил Иама.

— Зато я знаю тебя. Мой отец Тваштар много рассказывал о тебе, и слова его были полны гнева. Ты не знал меня, а я тайком учился у тебя все эти годы.

Я был твоей тенью, шел за тобой след в след и кормился обедками с твоего стола. Везде я видел дела твоих рук и восхищался. Это ты питал меня все эти годы, но... вижу, мои похвалы не приносят тебе радости. Тогда я просто скажу, зачем пришел и что мне от тебя нужно. Передай мне Его... передай мне Слово Бога.

— Слово? — отозвался Иама вполголоса. — Зачем Оно тебе?

— Зачем? — голос Вадагана дрогнул от волнения. — Я передам Его людям, я верну им Его, но... сделаю это по-своему. Все поймут Его теперь, даже скудные умом и духом. Они увидят, они узнают, полюбят Его... и меня.

— Отойди от меня, Дух Лжи. Теперь я узнаю тебя. Ты — обманщик, Змей Дахака. Твое время — сумерки перед рассветом. Человек, проснувшийся в этот час, не может понять, день наступает или ночь, но скоро прокричит петух и на востоке покажется Солнце.

Так сказал Учитель Иама Вадагану и больше ничего уже не говорил.

— Ну вот, — хмыкнул Вадаган. — Я пою Тебе хвалы, а ты огрызаешься. Знаешь, зачем я здесь? Знаешь. Ведь Оно все еще у тебя. После всего, что ты сделал, после всего, что позволил себе, Оно все еще у тебя. Отдай Его мне сейчас, и завтра ты сможешь уйти по любой дороге и в любую сторону. Мне не будет до тебя никакого дела, и никто из моих людей не тронет тебя. Мне нужно Оно, мне нужно твое... — Тут бивересп произнес нараспев слово, которое я не мог расслышать. Оно звучало как «варна», но это было не то слово. Наверное, Дракон произнес его на языке небесных светил, и я не смогу передать даже примерного его звучания. Учитель, конечно, понял все, но ни словом, ни видом своим не обнаружил никакого интереса.

— Смотри-слушай, глупый человек. Я отпускаю Тебя! Здесь! Сейчас! Только отдай Его мне. Или... Я попробую другой способ.

И тут произошло что-то, чему я до сих пор не могу найти объяснения. На мгновение Вадаган подался назад, от его плеча отделилось что-то темное, похожее на степняцкую плетель. Оно метнулась к Учителю Иама и ударило его в плечо. Я не услышал ни щелчка, ни свиста. Учитель тяжело вздохнул и затих.

Вадаган поднялся и вышел, даже не взглянув на меня. Напоследок он обронил что-то вроде: «Теперь все пойдет своим чередом». Зазвучали, удаляясь, шаги, и наступила непроглядная темнота. Прошло время, прежде чем у меня хватило сил подать голос.

— Учитель!

Иама не отозвался. Я слышал сиплое дыхание, но не мог понять, чье оно — мое или Учителя. Я позвал громче. И снова — тишина. Конечно, Учитель был здесь, рядом, он по-прежнему лежал напротив. Кончиками пальцев я нащупал его рукав, поднялся к плечу, отодвинул воротник. Рука сама нащупала на плече две круглые ранки. Кожа вокруг них сделалась мягкой, на пальцах осталась липкая сукровица. Змея! Вадаган принес с собой змею. Или он сам был змеей...

Я сидел и ждал, пока в узкую щель под потолком не просочились первые солнечные лучи. Тогда я увидел его — этого незнакомого старика, — он лежал, забывшись, бессильно склонив голову набок и прикрыв глаза. Он ничем не был похож на себя прежнего: вот между плеч обрисовался горб, вот густые волосы обвисли, как старая пакля. Сквозь узкие щелки век видны пустые белки, правое плечо сделалось пунцовым.

— Учитель, — окликнул я старика.

Он услышал, взглянул на меня, попытался выпрямиться, но не смог, повесил голову набок и затих опять. Прошло время. Солнце снаружи набирало силу, я незаметно для себя задремал и слышал сквозь сон какой-то глухой шум. Мне снилось, что к стенам темницы подступило море и его холодная пена уже брызжет в узкие оконца.

Дверь визгнула, и через порог шагнул рослый воин. За его плечами беспокойно мялся жрец в белых одеждах. Плащ воина крепился медной застежкой

в виде трех драконьих голов. Глухой рокот снаружи не исчез — это был шум толпы, собравшейся на казнь. Иама не поднял головы.

— Иама-Пастух из Первых людей, Лежащий во прахе! — Жрец сморщил нос, ему, видно, хотелось поскорее уйти из этого нечистого места, но он все же заставил себя говорить медленно и торжественно. — Сегодня Владыка Вадаган убьет тебя. Мы не ждем раскаяния. Ты просто должен перестать бояться. Встань и иди.

Иама не пошевелился. Воин хмыкнул и тупо ударил его носком сапога. Иама вскочил и завертел головой, словно не понимая. Второй удар пришелся ему в живот, Учитель издал сдавленный хрип и закинул голову назад. Он не сопротивлялся, когда воин схватил его за шиворот и потащил к выходу. Его руки волочились по полу, и он тупо смотрел на них, как будто они уже не принадлежали к его телу. Уже на пороге он вдруг зашевелился, чуть поднял голову и присипел: «Пус-с-сти-и-и».

Я так и не услышал скрипа засова — никто не потрудился запереть клеть. Сделалось тихо. Только за стеной сонно вздыхал стражник. Сквозь окно скользнула бледная стрелка лазури, и мутное пятнышко чутко замерло на стене напротив меня. Все, что случилось потом, я не могу объяснить словами разума. На моих глазах пятнышко начало увеличиваться и обретать форму. Я увидел лицо, на лица людей не похожее, и глаза, которые смотрели на меня со стены и вместе с тем из небесной бездны. Постепенно лазурь заполнила все пространство моей жалкой клетки. И тогда раздался голос, и я услышал его всем существом: «Вставай. Иди. Смотри». Три слова было сказано, а потом все пропало. Снова была тесная клеть в темном узилище. Медленно, очень медленно я стал подниматься, спиной чувствуя шершавый камень, прижимаясь к нему всем своим слабым телом. Затем я подошел на нетвердых ногах к двери и выглянул наружу. Стражник бросил на меня дурной взгляд и как-то разом подобрался, словно лев перед прыжком. На мне был только драный гиматий — одеяние нищих. Я провел рукой по всклокоченным волосам и вдруг явственно ощутил на макушке проплешину. Вот она — жизнь, которую я провел со своим Учителем! Вот они — годы, в которые я, прокаженный, прозябал в холоде и сырости.

Стражник отвел от меня взгляд и поежился. «Чего вышел? — пробормотал он смущенно. — Ну, иди теперь, иди. Все равно скоро содохнешь, я-то вижу. Мне, что ли, под боком держать такую пададь?»

Все тем же нетвердым шагом я направился к лестнице, которая вела из узилища наружу, к свету и солнцу. Свет бил в глаза, но он не казался мне нестерпимым. Наоборот, мне скорее хотелось выбраться из сырого и тесного поруба. За стенами из сырцового кирпича раздавался многоголосый гул, разрастающийся в глухой рев. Оглядываясь по сторонам, я видел распахнутые клетки и пустые ямы, — только в одной из них на самом дне шевелилось что-то неясное, серое, ничем не похожее на человека.

Лестница из черных деревянных плах поднималась вверх по тесному и узкому коридору. Приходилось пригибаться, почти ползти по ступенькам, вырубленным в мертвом и грубом дереве. Рев толпы набирал силу. Наверное, узилище имело выход на главную площадь.

Стоило мне выглянуть наружу, и оглушительный, слепящий день обрушился на меня. Площадь была полна от края до края, здесь были люди Вадагана и вместе с ними жители города — теперь я не различал их. Те, кому не хватило места на земле, сидели на крышах и шумными гроздьями высовывались из окон. Окинув площадь быстрым взглядом, я увидел помост и человека в панцире с высоким воротом. Возвышаясь над толпой, вперив куда-то пустой взгляд, Спитур стоял навтыжку как столп, держа в руках свою страшную пилу.

Вот заблеял рог, и началось движение: толпа подхватила меня и потащила куда-то. Был страшный шум — шепот, гомон, крики, и все об одном: «Уже ведут, ведут!» Я поймал себя на том, что и сам рассеянно повторяю: «Ведут,

ведут, уже ведут». Наконец толпа, прижав меня к самым стенам храма, схлынула куда-то, и я увидел Иаму — его вывели на крыльцо нагого и некоторое время держали за плечи на крыльце, выставив на общее обозрение. Со всех сторон, как темная волна, накатил глухой ропот. Учитель был близко, я бы мог окликнуть его, но он все равно ничего бы не услышал в этом шуме. Раздался резкий свист и щелчок, потом еще один. Иама качнулся вперед, но упасть ему не дали. Тут я увидел черный хлыст, снова ударивший Учителя между лопаток, а следом — Вадагана. В каждой руке он держал по длинной конской плети. Только сейчас я понял, какая сила была в руках бивереспа. Ударом хлыста он мог сломать позвоночник. Но каждый щелчок он выверял точно, чтобы причинить страшную боль и не зашибить до смерти.

Наконец пальцы, сжимавшие плечи Учителя, разомкнулись, и он пошел сквозь толпу вперед, к деревянному помосту. Белый, хрупкий, он с трудом перебирал ногами, раскачиваясь на ходу. Он весь принял вид, какой бывает у битой старой лошади, с которой сняли наконец хомут и ведут на убой. Хлыст слизывал с его спины полоски кожи, но красные росчерки тут же подсыхали, бледнели, превращались в бледные белые линии и исчезали совсем.

В эту минуту я вдруг почувствовал в себе прежнюю лазурь, каким-то образом сохранившуюся в моем существе. Она пропитала горячечный жар своей прохладой и успокоила его. Это продолжалось недолго, но я все равно ощутил облегчение и приток сил. Идти за Учителем уже не было никакой возможности, оставалось только вернуться к храму и подняться на крыльцо. Перед моими глазами пестрело море башлыков и шапок всех мастей. Наконец я разглядел поверх голов фигуру Спитура.

Я наблюдал ее из толпы, но вместе с тем смотрел глазами другими — с неба, сквозь лазурь. Это зрение недоступно никому из людей. Я видел, что к концу пути ноги подвели Иаму, и на помост его затащили волоком. Следом над толпой показался Вадаган. Теперь я увидел его небесными глазами. Насытившийся болью моего Учителя, он не был похож на человека. Не стало молодого бивереспа, Вадаган навис над людьми как туча. За этой грозовой тенью я с трудом различал прежнюю человеческую фигуру, зыбкую, как горячий воздух. Люди называли его трехговым зверем, но я не увидел в нем ничего животного. Он был похож на грозу без дождя, бурю с горячим сорным ветром. У него было раскаленное жерло, которое называлось «Гнев». Его головы были тремя «Нет», сказанными на трех тайных языках. Из трех разъяренных «ртв» выкипало свинцовое «Повинуйся!», оно падало на землю, где от него отделялось и поднималось кверху смрадное «Вина». Завесу крыльев наполнял раскаленный воздух мертвого мира, он и был причиной исходившего от Вадагана удушья. Не замечая ничего, люди протягивали руки и касались этих крыл, словно выпрашивая дождя, но дождя не случилось, вместо него над площадью прокатился сухой гром:

— Иама-Пастух! Огляди свое стадо! Оно все перед тобой! В нем больше нет добрых овец! Встань и посмотри на тех, кого развратил! Посмотри в глаза своих овец. В этих глазах и теперь прячется надежда. В тебе осталось что-то малое от прежней благодати. Подними руки, заговори с ними, и они начнут славословить Иаму, а в меня полетят камни.

Учитель молчал. Спитур рывком поставил его на ноги.

— Давай! — крикнул Вадаган, и в его голосе мне послышалась дрожь. — Говори!

Иама издал какой-то сдавленный, звериный звук и рухнул на колени. Толпа взорвалась хохотом, но Вадаган пришел в ярость, он схватил Учителя за волосы, задрал его голову и с силой затряс, тыча пальцем в толпу:

— Молчишь? Почему ты молчишь?! Посмотри на людей! Посмотри им в глаза!

Иама вновь испустил какой-то звериный крик и затих. Когда бивересп отпустил его голову, она бессильно поникла.

Несколько юношей-евнухов поднялись на помост, держа в руках авлосы. Спитур подошел к Иаме и пинком уронил его на колоду. Заиграли авлосы, и казнь началась.

Пила вошла справа, пониже ребер. Учитель закричал, и несколько слуг схватили его за руки и ноги, но не удержали. Тогда они привязали к его запястьям и лодыжкам крепкие веревки и стали тянуть каждый в свою сторону. Все это время Спитур не выпускал из рук пилы. Он работал ею без страсти и пилил живое тело, как лесоруб пилит сухое дерево.

С людьми творилось странное — одни выкрикивали проклятья, другие пели что-то дикое и плакали от счастья. Некоторые пытались тут же ослепить себя, другие залепляли уши грязью. Я видел, как человек, крича от ужаса, упал на землю, и окружающие стали в неистовстве бить его ногами, пока он не затих.

— Смотрите! Все смотрите! — Голос Вадагана заглушал шум толпы. — Так умирает человек!

Евнухи покраснели от усердия, их волосы встали дыбом от драконьего жара. Но их стройная и протяжная игра не могла заглушить криков моего Учителя. Постепенно, отчаявшись, они начали подстраивать свою музыку под самые эти крики. Они играли, то высоко заливаясь и воя, то издавая низкий дребезжащий звук, переходящий в гул.

Пила уже крушила позвоночник. Любой человек был бы уже мертв, но за всю свою долгую жизнь среди смертных Иама так и не научился умирать — он продолжал кричать и биться. То, что случилось потом, мне трудно назвать смертью — сквозь лазурь я увидел, как оборвалась тонкая, тугая струна, которая тянулась вдоль спины Учителя — от головы до крестца. И в эту минуту его тело еще раз дернулось, засучило ногами, зашлось мелкой дрожью и распалось на две половины — остаток пути пила прошла, не встретив никакого сопротивления. Авлосы взвизгнули и протянули долгий, трескучий звук, продлив последний крик моего Учителя.

Все кончилось очень быстро и странно: больше не было удушливых крыльев. Вадаган метался на помосте, натаптывая сапоги в темной крови. Он цапал руками воздух, словно пытался схватить что-то невидимое.

— Нет! Его нет! Я не чувствую его! Где оно?! Где?! — кричал он в бесильной злобе.

Наконец, придя в себя, бивересп испустил протяжный вздох, похожий на шипение, ссутулился и поспешно скрылся среди воинов, унося на плечах собственную мерзость. Вместе с ним убрался и Спитур, бросив на землю свою страшную пилу. Жрецы проходили мимо помоста один за другим, и каждый бросал пучок эфедры на сырую и безобразную грудку, в которую превратился мой Учитель. Народ начал расходиться. Люди покидали площадь молча, стыдливо оглядываясь по сторонам. Молодцы Вадагана пробовали было затянуть гнусную песню, но голоса их утонули в мертвом молчании города. Забыв себя, я ходил по тесным переулкам. Наверное, у меня прибавилось сил, я больше не ковылял, не спотыкался, а шел ровно, глядя прямо перед собой.

Известняковую фигуру Иамы выволокли из храма, уложили на запряженные полозья и потащили через весь город. Из-под полозьев раздавался треск и грохот. Это ломалась дубовая гать, такая же древняя, как и сами городские стены. Я, повинувшись неведомой силе, следовал за поверженным изваянием.

Изваяние тащили на высокий берег, где земля обрывалась в бескрайнее море. Вадагановы воины шли следом за полозьями, побивая истукан плетьюми и дубинами. Я бестолково шел за их шумной серой толпой, рядом плелось еще несколько нищих вроде меня. Потом что-то случилось, — наверное, я наступил на острую щепку, — и сквозь отупение пробилась дикая мысль: «Так это же они Учителя моего бьют!». С криком ярости я набросился на палачей. Я колотил их по спинам, цеплялся за волосы и за одежды, чтобы оттащить от изваяния. Тогда они стали осыпать ударами меня, они били меня в грудь и

по лицу тоже, острыми ногтями они разрывали меня на куски и вбивали мои кости в деревянную мостовую. Я слышал, как женщина закричала: «Убили его, убили!»

А потом все прекратилось. Наверное, им надоело измываться надо мной, и они двинулись дальше. Когда я очнулся, перед глазами долго стояла мать. Наконец, прозрев, я огляделся по сторонам и понял, что лежу на краю канавы. Кто-то оттащил меня сюда и оставил так.

Встав, наконец, на ноги, я понял, что на мне нет больше моего старого гимназия. Обнаружив внезапную свою наготу, я не сдержался и засмеялся. Когда мне казалось, что с меня кусками сдирают кожу, они только рвали мои ветхие одежды! И, устав смеяться, я заплакал от радости, что ко мне вернулась боль.

И еще одно чувство, кроме этой радости, крепло во мне. Появившись, оно нарастало, заполняя собой все существо. Я словно бы снова увидел и услышал все, что произошло в этот день, — теперь уже своими глазами, и понял все, чему Учитель должен был меня научить. Это было То, что не смог заполучить Вадаган. Лазурь окружала меня со всех сторон — теплая и мягкая, она струилась сквозь пальцы, тонкими иглами проникала под кожу и пронизывала до самого костного мозга. В эту минуту я приблизился к Истине и узнал, как звучит она на ангельском языке. Хотя прошло много веков, я и сейчас помню эту минуту. И, как много веков назад, я боюсь, что это была очередная прелесть Учителя.

Я помню и то, что сделал минуту спустя, когда снова научился думать на человеческом языке: осмотрев, ощупав себя, я пришел к выводу, что побои не причинили мне особенного вреда, более того: струпья высохли и побледнели, кожа очистилась, а из ссадин проступала чистая кровь. Истукана на прежнем месте не было. На улице было пусто, только на земле, рядом с бороздой, лежало что-то похожее на груды сырого тряпья. Известняковый истукан утащили и, наверное, бросили в море. Теперь мне не было никакого дела до этого мертвого камня, нужно было бежать, пока Вадаган не учуял меня.

Вечером я выбрался за городские стены и нашел для себя одежду. Конечно, она была нечиста, в ней был дух разложения, но меня это уже не волновало. Я стал бескрайним морем, которое может принять в себя грязную реку, не замутив свои воды. Я оказался возле одного из шатров, поставленных воинами Вадагана. Подчиненный какой-то смутному порыву, я откинул полог из драного войлока и увидел ее — ту, что была раньше женой пекаря, лежащую среди пьяных мужских тел. Увидев меня, она тихо вскрикнула, но я жестом среди пьяных мужских тел велел ей молчать. Она не узнала меня — не узнала прокаженного из гнусной норы. Она поднялась мне навстречу, осторожно переступая через спящих. Когда она оказалась на расстоянии двух шагов от меня, я сказал «достаточно», и это прозвучало как «стой» и «слушай». Она остановилась, не сводя с меня глаз и чувствуя всем существом власть моего слова.

— Пойдем.

Двоем мы пошли через дикое поле. Над нашими головами зияло холодное и огромное звездное небо, а под ногами шуршала убитая солью трава. Зябкий ветер дул с запада, предвещая скорое наступление зимы. В наших краях зима длится одиннадцать месяцев и только десять дней в году светит солнце.